

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Матвеева Николаева

Как бы культура речи

147

Литературный язык, как наиболее совершенная форма речевого общения, непредставим без такого важнейшего свойства, как нормативность. При этом во всяком живом, а значит, развивающемся языке норма не есть нечто неподвижное, определившееся раз и навсегда. Ранее была возможна постановка ударения *звОнишь, звОнят*, сегодняшняя норма допускает только *звонИшь, звонИт*; совсем недавно существовала форма родительного падежа единственного числа существительных *чашка чая, килограмм изюма, много народа, много шума* и на «а», и на «у», сегодня предпочтительнее на «а»; и так далее.

Норма зависит от многих факторов как собственно лингвистического, так и внелингвистического характера. Однако без неё, постоянно меняющейся, улавливающей и узаконивающей новое, жизнеспособное и характерное, литературный язык, разумеется, немислим. И здесь возникает масса вопросов, связанных с сегодняшним бытованием языка как основного средства речевого общения. Например: как быть с просторечием? Противостоит ли оно литературному языку или является одним из его стилистических пластов? Заметим, что сам по себе термин «просторечие» недостаточен,

поскольку им обозначаются разные явления: это и совокупность находящихся вне действия литературной нормы народных речевых средств, и те просторечные лексемы и фразеологизмы, которые применяются в особых стилистических целях, оставаясь при этом в пределах литературной нормы. Противоречивость термина, кстати, отразилась и в лексикографической практике. В словаре Д.Ушакова, например, *лиса* (хитрый человек) разговорное, а *щенок* (неопытный, молодой) – просторечное, *каша* (путаница в голове) разговорное, но *петрушка* (что-то странное, нелепое) просторечное; в Малом академическом словаре под редакцией А. Евгеньевой *ворона, заяц, мартышка, медведь* разговорное, а имеющие яркую экспрессивную окрашенность *лошадь, пингвин, змея, кукушка, крокодил* не отмечены вообще. Если за критерий стилистического разделения на разговорное и просторечное принята степень экспрессии, то этот показатель не может считаться объективным, так как разговорная речь имеет слишком большую и неградуированную «амплитуду колебаний». До Пушкина просторечие использовалось писателями лишь в качестве приёма стилизации, намеренного отклонения от нормы

ради изображения народности, этнографического раскрашивания. Благодаря же Пушкину роль просторечия становится качественно иной, теперь это народная речь, составляющая основу русского литературного языка и отражающая его нормы. Не случайно в научной литературе в послепушкинский период возник термин «литературное просторечие» как обозначение разновидности разговорной литературной речи стилистически маркированного пласта литературного языка. Таким образом, существует литературное просторечие – сознательное использование просторечных слов в пределах нормы со стилистическими целями и нелитературное, обусловленное недостаточной образованностью человека, практическим отсутствием речевой культуры: *уплОчено, шОфер, дермаНтин, Сходить с трамвая, ейный, оттудова, нету, вчераь, значить...*

Приходится с сожалением констатировать, что сегодня соблюдение лексических, орфоэпических, грамматических норм в устной, и не только, речи – большая редкость. Мы постоянно слышим: «Кто крайний?», «Сделайте мне полкило сыру... *Вешайте, вешайте!*», «Подскажите, где вы взяли эти яблоки?» «Вы сходите? Вы слезаете?» «Это обезбаливающее средство», «обои» вместо «оба», ихний, *плОтят, ездют, красивЕЕ, шОфер, квАртал...*

Вот наиболее типичные речевые ошибки, выявленные в наблюдениях, в том числе за речью сотрудников радио, телевидения, деятелей культуры, науки, преподавателей и студентов.

Использование слова в не собственном ему значении: «Я буду дома в районе двух часов», «Ольга была моложе Татьяны и всегда навеселе» (из сочинений абитуриентов). Из других источников: «Госсекретарь *скоропостижно* сменил тему разговора», «В продажу поступила *плеяда* автомобилей», «*Выше* уже было сказано», «*Вперёд* представим себе... Употребление слов, не зафиксированных в словарях: «Мне чрезвычайно *волнительно*».

Неверное, применение заимствований – вечная проблема, берущая своё начало с древних времён и особенно остро проявившаяся в эпоху Петра I. Известны высказывания о заимствованиях Сумарокова, объявившего борьбу «щеголям и щеголихам» за их чрезмерное «офранцузивание» русского языка; Карамзина, активно и скрупулёзно калькировавшего иноязычные слова; Шишкова, который категорически настаивал на изъятии иноязычных лексем из русского языка и замене *бильярда шарокатицей, фортепиано – тихогромом, фонтана – водомётот, калош – мокроступами*; Пушкина, который в «Письме к Киреевскому» говорил об использовании иностранной лексики только в случаях, когда ей нет семантических эквивалентов в русском... Процесс иноязычных заимствований был присущ всем периодам развития русского литературного языка, и здесь не раз возникала общественная полемика, суть которой сводилась, с одной стороны, к ограждению языка от иноземных влияний, а с другой, к защите их как элементов, составляющих основу интернациональной лексики». Тот же Пушкин с радостью использовал иностранные словечки для создания иронии и эффекта непринужденности: «Она казалась верный снимок *Дю камильфо* (Шишков, прости, Не знаю, как перевести)». Наконец, известны слова Белинского, что без заимствований любой язык мёртв. Но у нас разговор не столько о том, необходимы ли иноземные слова, сколько о том, насколько правильно их (как данность) используют наши сограждане. И надо сказать, что в речи наших современников ошибки, связанные с заимствованиями, довольно часты: «Перед нами *дилемма* (вместо проблема) обеспечения пенсионеров достойными средствами для проживания», «Нам было приказано *аннулировать* (вместо ликвидировать) вражескую группировку», «Проводится *рестаерация* (починка) одежды» и др. Нередко обильное использование иноязычных лексем приводит к запутанности мысли (в данном

примере юридической): «Для характеристики приоритетных мотивационных тенденций в поведении учащегося весьма информативными являются конфликтные ситуации, спорадически функционирующие в его *modus vivendi*».

Другая распространённая ошибка – лексическая несочетаемость, вызванная так называемой контаминацией (смешением двух выражений): «Вручить (подарить) цветы», завоевать (одержать) победу, увеличить (улучшить) качество, выполнять принципы (обязательства), наступила (началась) война, поднять (бокалы) тост (произнести), играть (роль) значение и др.

Когда-то Ломоносов в своём предисловии к «Российской грамматике» писал: «Без грамматики тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция». Тем не менее и грамматические нормы мы в своей речи часто не соблюдаем. Выражается это, например, в нарушениях управления глаголов: «Он подчеркнул о том, что необходимо исходить от этой проблемы», «Я скучаю за ним», «Они тешат себя на уничтожение России»; те же ошибки после предлогов согласно, благодаря, вопреки, которые требуют постановки существительного в дательном падеже, но используются с родительным: благодаря свидетельства, вопреки закона, согласно указания; в не соответствующем норме образования аналитической формы степеней сравнения: «Народ более теснее сплотился вокруг этого лидера»; в неверном употреблении местоимений обои (оба), с обоих (обеих) сторон, ихний (их); в неумении склонять числительные: «Более восемьсот человек, «Пароход с четыреста восемьдесят семью пассажирами»; в нарушении согласования: «Это поколение называют себя...»; в неправильном употреблении причастий: выдающий ученый, пресмыкающееся насекомое и т.д.

Изобилует сегодняшняя речь тавтологиями, плеоназмами. Это, с одной стороны, повтор однокоренных слов:

«Следует отметить следующие недостатки», «Объединить воедино», «Эти впечатления запечатлелись на все годы», «Вооружить оружием». С другой, плеоназм обнаруживает себя в словосочетаниях свободная вакансия, промышленная индустрия, чёрная меланхолия, преискурант цен, главная суть, памятный сувенир, очень прекрасно, своя автобиография, период времени. А вот примеры из речи нашего бывшего Президента: «Мы заключили договор, в котором наши страны договорились», «Главный приоритет», «Преобладающее большинство», «Наиболее оптимально».

Многие люди не различают слова, близкие по звучанию, но разные по значению – явление, получившее в лингвистике название «паронимия»: хищный-хищнический, эффектный-эффективный, главный-заглавный, дипломник-дипломант, факт-фактор, представить-предоставить. Хотя известно, что благодаря тому же Пушкину даже бывшие стилистические синонимы невежа-невежда, означавшие одно понятие: «человек, не осведомлённый в какой-либо области» пережили семантическое разделение: невежа стало соотноситься с невежливый (невоспитанный), а невежда – с невежественный (в прежнем значении).

Бичом современной коммуникации является многословие, а также слова-паразиты, засоряющие и снижающие уровень нашей речи: значит, это самое, ну-у, в общем, так сказать и многие другие. «Желаю Вам личного счастья и большого человеческого благополучия», «Боюсь, что слишком тяжёлые меры должны мы предпринять, чтобы потом нам не сказали, что мы что-то не то». В последнее время весьма популярными стали вводные слова короче, что ли и, особенно, как бы, без которого не обходится порой даже образованный человек. Это «как бы», согласно мнению психологов, является своеобразной «передышкой» в процессе формирования мысли, однако с точки зрения речевой культуры ис-

пользование его трудно оправдать: «Я как бы поступила в университет», «Мы как бы успешно выступили в соревнованиях», «Наши политологи как бы смогли отстоять свои позиции в данном вопросе» и т.д.

Другая беда нынешней речи – избыток штампов, готовых формул, канцеляризмов, трафаретов, способствующих тому, что слово теряет свою окраску, тускнеет, стирается: «*Вышеупомянутые недостатки в системе спортивной подготовки грядущего поколения столь существенны, что требование их безотлагательного искоренения и принятия соответствующих мер по их искоренению – одна из главных наших задач*». Злоупотребление канцеляризмами приводит иногда к абсурду: «Мария так смеялась в адрес Кольки!», «Ты по какому вопросу плачешь?», «Все дети охвачены горячими завтраками». Иногда такая «штамповка» способствует исчезновению смысловой нити высказывания. В результате, как писал Маяковский, «мысль, яснее помидора, обволакивается туманом сизым»: «*Ввиду того, что я проживаю в упомянутом доме, он пришел почти в труху, просто одна основа осталась, поэтому снимите с меня ответственность, каковая должна произойти, ибо держится на подпорках и углы поехали в разные стороны*».

К стилевому абсурду приводит неумелое использование стилистических возможностей, нарушение пушкинского принципа «соразмерности и сообразности», согласно которому речевые средства должны соответствовать ситуации: «У Ольги и Татьяны Лариных были уха-жёры» (из сочинений абитуриентов). А вот ответ некоей жены на вопрос, что она делала дома днём: «*В течение рабочего дня я обеспечила наведение надлежащего порядка в жилом помещении. В последующий период мною было осуществлено посещение торговой точки с целью приобретения необходимых продовольственных товаров*». Фразы сами по себе вполне

грамотные, но применение канцелярского стиля в подобных обстоятельствах выглядит комично.

Следует обратить внимание и на засорение нашей речи жаргонной лексикой различных социальных, профессиональных и иных групп: *охмурёж, кимарить, тягомотина, в натуре, прикольно, гузнить* (ныть), *колбаситься* (танцевать), *грузиться* (огорчаться), *сбрызнуть* (уйти), «*понты* (показные речи, бахвальство), *стасик* (таракан) и др. Так говорят наши студенты. (В своё время ещё Горький в словах-«сорняках» и выражениях типа *скукоживаться, шамать, вольтить, буза, катись квадратной колбасой* увидел опасность, грозящую речевой культуре. В статье «О словотворчестве Ильенкова» он писал: «Взбрыгнул, трушились, встопорчил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, всё это даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык»).

Тем более опасно использование ругательств, элементов аргю – явление, обнаруживающее чрезвычайную живучесть, чему, на мой взгляд, способствуют и многочисленные словари, лексиконы ненормативных слов, посыпавшиеся на нас в конце XX века как из рога изобилия. Особенно те из них, которые содержат комментарии на том же ненормативном уровне.

Нередки и ситуативные логические неправильности. Например, плакат над артиллерийским училищем 1989 года, гласящий: «*Наша цель – коммунизм*», или надпись на памятнике солдату, рука которого обращена в сторону кладбища: «*Вся наша борьба – за живяние человека*». Вот выдержки из речи чиновника Госдумы: «*БОльшая половина присутствующих проголосовала «за»*»; из сочинений абитуриентов: «*Его сердце, душа способны любить не только простой народ, но и сразу двух женщин*» (о герое романа Проскурина «Судьба») или «*В нашей стране*

всё ещё встречаются лица, у которых под одеждой скрывается слабо-душие».

О соблюдении орфоэпических (произносительных) норм. Их формирование и становление шло тернистым путем (известна борьба московской и петербургской лингвистических школ, которая развернулась вокруг этой проблемы во второй половине XIX столетия). И хотя основой литературного произношения оставалось московское, рост петербургского влияния был весьма ощутим, что сказалось и на формировании современной произносительной нормы. Это устранение мягкости перед губными и заднеязычными звуками: *первый, верх*; признание приоритета произношения «чн» (в соответствии с написанием), а не «шн» *булочная, коричневый, сердечный* (итог ориентации на письмо и уменьшения воздействия деревни на речь горожан); отсутствие мягкости перед следующим мягким согласным *естественный, лавки*; в отличие от москвичей петербуржцы соблюдали нормы при склонении имен существительных в формах творительного падежа множественного числа *яблоками* (а не *яблоками*), *дочками, танками*; умеренное «аканье»; редукция предударных гласных. Все это характерно и для современной произносительной нормы.

Сегодня зафиксированы такие, например, нарушения, как неадаптированное «э» в иноязычных словах: *сантимэтр, берэт, тэма*, но *партер, бутерброд, тенденция*; употребление «шн» вместо «чн»: *яишница, скворешница, горчишный, солнешный*; вставочное «н» в иностранных лексемах: *компроментировать инцидент, прецендент, беспрецендентный*. Подвижный характер русского ударения, о котором говорил еще Тредиаковский в середине восемнадцатого столетия, обусловил сложности в произношении многих слов: *Агент, аргумент, благА, засУха, красивЕЕ, квартаЛ, намерЕние, облЕгчить, углУбить, раКурс, обеспЕчение,*

ходатАйствовать, средствА, хозяевА, Эксперт, пАртер, свеклА, форУм, договорА, осУждена, феномЕн.

Особая тема – как проявляет себя литературная норма в языке массмедиа. Обычное человеческое общение это, так сказать, диалог любителей, а коммуникация через средства массовой информации – общение с помощью профессионалов. Профессионал же, обладатель журналистской или иной «языковой» профессии, по определению, должен быть куда более ревностным хранителем нормы, нежели простой обыватель.

Какова же реальная ситуация? Традиционно исследователи делят медиатексты на радиальные, телевизионные и газетно-публицистические. Очевидно, что сегодня журналистское произведение уходит от своего первоначального бытования в виде печатного текста, в наши дни это медиатекст, который существует в нескольких ипостасях: печатной, звуковой, визуальной.

Изменение нормы в медиатексте происходит прежде всего на уровне слова, чему способствуют самые разные факторы. В результате влияния социально-политических событий, отмены идеологической, а также в определенной степени литературно-языковой цензуры, следящих за чистотой языка, различия между нормативным и фактическим словоупотреблением в журналистике усиливаются, все более популярными становятся неологизмы, модернизмы, иностранные слова. Среди основных тенденций в изменении словарного состава языка массмедиа можно назвать такие:

– нашествие молодежного жаргона: *прикол, классный, крутой, туфта, предки, друган, короче, блин* (эвфемизм к ругательству), *кайф* (от турецкого *keif* «приятное безделье, ничегонеделание»), *пурга* (ерунда), *попса, чума, отстой, глюки, депресняк, простой, тусоваться, драйв, панки, фанаты, мент, в натуре, жесь!* (потрясающе хорошо и плохо), халява и др.

– активизация жаргона воровского: *брать на понт* (разыгрывать), *сходняк* (собрание), *понтоваться* (изображать из себя то, чем ты на самом деле не являешься), *зихер* (нехороший поступок), *пахан*, *лох*, *крышевание*, *бакланить* (разговаривать), *шевельнуть* (украсть), *нагон* (освобождение), *алес* (плохо), *братва*, *мочить в сортире*, *липовая ксива*, *беспредел* и др. Плюс достаточно широкое употребление наркоманских словечек: *колёса*, *нюха-чи*, *подсесть на иглу*, *травка*, *дурь*, *вмазаться*; лексики, пришедшей из торговли: *бабки*, *штука*, *зелёные*, *зашибать деньгу*, *отстёгивать*, *нагреть*, *накрутка*, *срубить бабла* или из речи компьютерщиков: *сидюк* (магнитофон), *чайник* (неопытный пользователь), *ламер* (некомпетентный, но претенциозный), *конфликт версий*, *железо*; а также из популярной музыки: *полса*, *петь живую*, *под фанеру*, *клипак*, *раскрутиться* и т.п.

Для чего журналистам жаргон? В первых, для того, чтобы точнее описать картину жизни определённой профессиональной или иной группы людей. Во вторых, для усиления эмоциональной, в частности иронической, оценки. Жаргонная лексика весьма экспрессивна и помогает передать большой спектр оттенков чувства. И в-третьих, насыщение текста жаргонизмами позволяет автору преодолеть дистанцию между ним и читателем, стать «своим». Это весьма сильное стилистическое средство; не случайно данная лексика появляется даже там, где раньше и представлять было невозможно, – во вполне серьёзных материалах о политике и экономике: «Самочувствие *зелёного* будет зависеть от цен на нефть», «Сдавать своих не принято в нашей политической *тусовке*», «Нотариусы ответят за *лажу*», «Законопослушным гражданам это достижение отечественной хирургии, конечно, *по барабану*». Тональность изложения темы при этом нередко переходит границы иронии, становится грубой, вульгарной. Жаргонизмы общего употребления (*мент*,

засветиться, *разборка*, *ботаник*, *туса* и пр.) распространены в газетном тексте довольно широко, и пресса (а вслед за ней и некоторые словари) способствует стилистической переоценке этих слов, «узаконивает» их публичное применение; в итоге вышеупомянутая сомнительная лексика приобретает некую нормативность, стилистическую нейтральность.

Другие тенденции – это, к примеру, активное использование того же просторечия, иногда продукта народной этимологии: *видак*, *совок*, *телик*, *гомо советикус*, *дерьмократия*, *развлекаловка*, *прихватизация*; или разного рода иноязычной лексики: *альтернативный*, *консенсус*, *нонконформизм*, *коррупция*, *плюрализм*, *популизм*, *брокер*, *демпинг*, *лобби*, *маркетинг*, *менеджер*, *рейтинг*, *политика аншлюса*, *мафия* (*мафиози*, *мафиозник*), *мэр*, *деполитизация*, *европеизировать*, *администрация*, *тоталитаризм*, *феминизм*, *экстремизм*, *ксенофобия* и пр.

Лексика, обозначающая реалии советского периода (*социализм*, *социалистический лагерь*, *комсомольцы*, *многостаночница*, *субботник*, *ночная смена*, *передовик*), вытесняется. Советизмы, такие, как *мудрый вождь*, *светлое будущее*, *отец всех народов*, *великий кормчий*, используются в качестве средства создания иронии. На смену старому лексикону приходят, с одной стороны, определения, более близкие реалиям нынешней политической и иной жизни: *афганец*, *застой*, *гебист*, *особист*, *омоновец*, *восьмёрка*, *горбачёвщина*, *жириновщина*, *мемориалец*, *пикет*, *аппаратчик*, *советская империя*, *демдвижение*, *деморосс*, *медведи*, *ортодоксы*, *зелёные*, *тёлка*, *бойфренд*. А с другой, возрождается исторический словесный ряд, ранее практически вышедший из употребления: *коммерция*, *коммерсант*, *торги*, *купечество*, *миллионер*, *миллиардер*, *атаман*, *гимназия*, *лицей*, *господин* (*госпожа*), *сударь* (*сударыня*), *благотворительность*, *духовность*, *милосердие*, *покаяние*. Сюда же можно отнести использование библей-

ских выражений: *каинова печать, египетская казнь, нищие духом, святая святых, крошечная тьма*.

Происходит также внедрение метафорической или эпатажной лексики в качестве средства создания иронии: «вселенский хай», «канадские халявщики», «испанские страсти в казанском притоне», «пенсия на два чиха» и стандартных социальных или национальных дефиниций: «итальянцы-макаронники», «лягушатники-французы», «загадочная русская душа», «лица кавказской национальности»...

Заметим, что употребление журналистами новой лексики сопровождается многочисленными ошибками (орфографическими, орфоэпическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими). В орфоэпии (особенно часто в репортажах специальных корреспондентов радио и телевидения): *включим, позвоним, шОфер, звонит, осужден, скомпрометировать, дермантин, квартал, Эксперт, хозяевА, красивееЕЕ, свеклаА, договорА* и др. Однако гораздо более значимыми являются нарушения языковой нормы в области лексики, в частности иностранных слов. Ошибки вызваны прежде всего ложной интерпретацией заимствований либо низким общим языковым уровнем конкретного журналиста, что и приводит к неправильному словоупотреблению. «Шлягером сезона стала пресс-конференция, которую артисты впервые провели после концерта» (термин «шлягер» предполагает многократность явления). «В середине октября на архитектурной биеннале в Венеции Россию представляла»... (существительное «биеннале» – фестиваль, выставка относится к среднему роду), «Болельщики ярославской команды хоккеистов были шокированы поражением «Локо-

мотива», ведь они так основательно готовились к матчу с командой «Ак Барс» («шокированы», т.е. *поставлены в неловкое положение* употреблено в значении «потрясены»). «Сами о себе французы говорят, что они народ вежливый, *жонтильный*». ЖАнтильный (а не жОнтильный) у нас означает «жеманный, кокетливый, изнеженный», французское же слово «gentil» – это миловидный, любезный. «Специалисты-фармацевты *рекомендуют советы* по лечению тяжёлых недугов» (советы нельзя «рекомендовать», их можно давать). «Писатель пришел на встречу с поклонниками в кроссовках, к счастью, ему нашли приличествующие для такого случая чёрные ботинки, и *статус-кво* был восстановлен» («статус-кво» – прежнее состояние. Это сочетание было бы уместным, если бы с писателя сначала сняли, а потом надели всё те же чёрные ботинки).

Как мы видим, перемены в политической, социально-экономической жизни страны способствуют появлению новых языковых явлений, в том числе в области лексики средств массовой информации. За этим следуют и изменения в языковом вкусе общества. К чему ведут эти процессы в большей степени – к обеднению или обогащению общей культуры речи, сказать на данный момент сложно. Приведенные выше примеры, во всяком случае, свидетельствуют о неблагоприятном состоянии сегодняшней массовой речевой культуры. А ведь слово для носителей языка – ближняя реальность, влияющая на весь «внешний» мир. И от того, как они будут к слову относиться, зависит не только будущее языка, но во многом и будущее реальности внелингвистической.